
WSCHODNI ROCZNIK HUMANISTYCZNY
TOM XVII (2020), №3
s. 71-81
doi: 10.36121/aselin.17.2020.3.071

Адриан Александрович Селин
(Национальный исследовательский университет – Высшая школа
экономики, Санкт-Петербургский кампус)
ORCID 0000-0002-8891-2105

Дипломатическая риторика первых тязвинских переговоров в сентябре 1592 – январе 1593 гг.*

Аннотация: В статье анализируются документы первых Тязвинских переговоров о мире, начавшихся после завершения боевых действий русско-шведской войны 1590-1593 гг. Московская комиссия (возглавляемая окольным М. Г. Салтыковым) и шведская комиссия (возглавляемая Класом Флемингом и Йораном Бойе) более четырех месяцев вели споры об условиях предстоящего мира или перемирия. Переговоры были своеобразным состязанием в риторике, во время которого стороны использовали как аргументы применения прямой военной силы, но также и более тонкие дипломатические угрозы. Три главных политических игрока в этой части Европы, Московское царство, Швеция и Речь Посполитая, находились в непрекращающейся борьбе за территории и крепости на востоке Балтийского региона; одновременно шведский король Юхан III (неожиданно скончавшийся в разгар изучаемых переговоров) приходился отцом польско-литовского государя Сигизмунда III. Имя Сигизмунда имело большое символическое и дискурсивное значение в ходе дипломатического состязания в Тязвине. В риторике переговоров концепты «государства» и «государя» не всегда были разведены; обе стороны часто смешивали волю государя и интересы своих государств. **Ключевые слова:** Тязвинские переговоры, Сигизмунд III, русско-шведская война

Diplomatic Rhetoric in the discourse of Tyavzino Peace Talks, September, 1592 – January, 1593

Annotation: The article deals with the documents of first Tyavzino Peace Talks suddenly started after Russian-Swedish war military events stopped. Muscovite commission (headed

* Данная статья написана в рамках исследовательского проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. „Трансформация режимов управления разнообразием: практики и дискурсы изменения подданства в Российской империи“.

by okol'nichij M. Saltykov) and Swedish commission (headed by Klas E. Fleming and then by G. Boje) argued during more than four month about the conditions of a Peace treaty or a truce. The talks were a kind of competition of the both sides while they had used arguments of possible direct military violence and also of diplomatic character. The three main powers of the region, Muscovy, Sweden and Polish-Lithuanian Commonwealth, were at that time in latent struggle for the territories and fortresses in the Eastern part of Baltic area. Meanwhile, Swedish king Johan III was a father of Polish-Lithuanian king Sigismund III (and Johan III suddenly died in the tome of the talks). So the name of Sigismund had very important symbolic and discursive significance during the talks. In the rhetoric of the talks the concepts of „sovereign” and „state” were not always divided; the sides suggested both a royal will and the interests of the kingdom as arguments in the dispute.

Keywords: Tyavzino Peace Talks, Sigismund III, Russian-Swedish war

Retoryka dyplomatyczna pierwszych pertraktacji tjazwińskich we wrześniu 1592 – styczniu 1593 roku

Streszczenie: W artykule przeanalizowano dokumenty pierwszych pertraktacji w Tjazwinie w sprawie zawarcia pokoju, które rozpoczęły się po zakończeniu działań bojowych w wojnie rosyjsko-szwedzkiej 1590-1593 r. Komisja moskiewska pod przewodnictwem M.G. Sałtykova i szwedzka z Klausem Flemingiem i Joranem Boe na czele, ponad cztery miesiące prowadziły spory o warunkach planowanego pokoju lub rozwieszenia broni. Negocjacje były rodzajem konkursu retorycznego, podczas którego strony wykorzystywały argumenty zarówno użycia bezpośredniej siły militarnej, ale także bardziej subtelne groźby dyplomatyczne. Trzej główni gracze polityczni w tej części Europy - Moskwa, Szwecja i Rzeczpospolita - toczyły nieustanną walkę o terytoria i twierdze na wschodzie Bałtyku; w tym samym czasie król szwedzki Jan III (który nieoczekiwanie zginął w trakcie omawianych negocjacji) był ojcem władcy polsko-litewskiego Zygmunta III. Imię Zygmunta miało duże znaczenie symboliczne i dyskursywne podczas przetargów dyplomatycznych w Tjazwinie. W retoryce negocjacyjnej pojęcia „państwa” i „suwerena” nie zawsze były rozłączne. Obie strony często myliły wolę suwerena z interesami swoich państw.

Słowa kluczowe: Państwo Moskiewskie, pertraktacja tjazwińska, Zygmunt III, wojna rosyjsko-szwedzka

Особое место в изучении дипломатического дискурса раннего Нового времени занимает проблема различных интеллектуальных и религиозных пресуппозиций, исходя из которых в конце XVI – XVII вв. велись переговоры разного уровня, насколько было возможно понимание между представителями „западной культуры” и „московитами”. Если проблема «ориентализации» московской дипломатической культуры для пост-Вестфальского времени была отчасти снята монографией Яна Хеннигса¹, то обобщающей работы по исследованию характера диалога между дипломатами европейского Запада и Москвы для более раннего времени пока не появилось. Даже в современной монографии Б. Н. Флори, посвященной влиянию польско-литовской культуры на самосознание московских элит в годы московской Смуты начала XVII в., проводится противопоставление, с одной

¹ J. Hennings, *Russia and Courty Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*, Cambridge 2016.

стороны, сторонника и проводника Контрреформации, короля Сигизмунда III и „наследника толерантных традиций «золотого века»“ гетмана Станислава Жолкевского и, с другой, стремившихся „отгородиться от католического и протестатского мира“ чинов Московского государства². В настоящей статье я делаю попытку показать, что, во всяком случае, информационное поле для европейских и московских дипломатов на рубеже XVI – XVII вв. было общим, а рассмотрение дипломатического дискурса как противопоставления обскурантов-москвитов „продвинутым“ европейцам не всегда продуктивно.

В январе 1590 г. московские полки во главе с Борисом Годуновым перешли демаркационную линию, обозначенную после Плюсского перемирия со Швецией и двинулись на запад. В короткий срок ими были захвачены Ям и Копорье, они подошли к Ивангороду, захватили его и предполагали своей следующей целью Нарву (Ругодив московских источников). Однако закрепиться на правом берегу реки Наровы не удалось. Город подвергся артиллерийской бомбардировке, но не сдался москвиту: Карл Херникссон Горн, потерпевший поражение в Ингрии, смог защитить Нарву. Наступление захлебнулось (а целью была – по возможности – вся шведская Ливония). Боевые кампании 1590 и 1591 г., несмотря на усиление воюющей группировки в Новгороде Великом, личное участие в походе царя Федора Ивановича и конюшого боярина Бориса Федоровича Годунова, не принесли значимых сдвигов. Напротив, войска Морица Грипа и Класа Флеминга ходили рейдами в сторону Новгорода Великого. Летом 1591 г. шведы пытались осаждать Гдов. Шведский флот пытался блокировать Ивангород. Дело шло к переговорам. В сентябре 1592 г. под Ивангородом, на «русской» стороне р. Нарова, начались долгие переговоры.

Московский Посольский приказ отправил в эту дипломатическую миссию достаточно разных людей. Главой посольства стал окольный Михайл Глебович Салтыков; в товарищах у него были бывший видный опричник думный дворянин Деменша Иванович Черемисинов; секретарем посольства служил дьяк Постник Дмитриев. Шведская сторона была представлена Класом Флемингом, человеком скорее военным, нежели дипломатом³, Карлом Густавссоном Стенбуком, Йораном Бойе, Арвидом Столармом, многолетним наместником Нарвы, и Герхардом Донхофом, наместником в Хапселе.

Если московское посольство получило наказ из Посольского приказа и обладало полномочиями на заключение как мира, так и перемирия, то состав шведского посольства был обусловлен казуально: его возглавили высшие

² Б. Н. Флоря, *Польско-литовская интервенция в России и русское общество*, Москва 2005, s. 211, 231.

³ Сохранился русский перевод речи К. Флеминга, в которой он объясняет свое назначение в посолье и то, что он не успел получить подробных инструкций и широких полномочий: „А велеможнейший наш король послал было меня, Клауса, воинским делом, а не посольским обычаем, да как пришла к нему, велеможнейшему королю, весть, что государь ваш хочет крестьянского покою, а присылали деи о том из Ъваня города воеводы твои государевы Семен Сабуров да князь Федор Хворостинин, и государь наш король писал ко мне, а велел с вами миритись и о городех было как и коли наказ мне давати?“. 1592 октября около 24 – *Отписка послов ок. М. Г. Салтыкова, Д. И. Черемисинова и дьяка П. Дмитриева царю Федору Ивановичу у четвертом съезде со шведскими послами К. Флемингом с товарищами 24 октября*, Научный архив Санкт-Петербургского института истории (dalej: СПбИИ), кол. 226, оп. 2, д. 296, s. 29–41.

военачальники, находившиеся в Восточной Ливонии, получившие однако также полномочия от короля Юхана III на заключение перемирия. Однако коммуникация со Стокгольмом была гораздо сложнее, чем с Москвой; за весь период переговоров Салтыков с товарищами получали из Москвы не менее двенадцати разных инструкций – царских наказных грамот с определением меры возможных уступок; шведам же лишь единожды удалось получить уточнение своих полномочий (в ноябре 1592 г.). Царь (и Борис Годунов) намеревались достичь любого мирного соглашения только при условии передачи Московскому государству Корелы (Кексгольма)⁴; позиция шведов, неизменная в ходе переговоров, заключалась в сохранении status quo, достигнутого на момент окончания военных действий, с временной демаркационной линией по реке Нарове.

Переговоры шли долго; несколько раз прерывались; обе стороны пытались проводить вооруженные демонстрации; наконец 24 января 1593 г. послы договорились о подписании перемирия сроком на два с половиной года. Возобновившиеся осенью 1594 г. переговоры имели своим итогом Тязвинский мир, подписанный в этом же месте, близ Ивангорода, 18 мая 1595 г. Об этих первых Тязвинских переговорах также вскользь упомянуто в капитальном труде Х. Альмквиста⁵.

Статейный список посольства М. Г. Салтыкова с товарищами в архиве Посольского приказа не сохранился. Не сохранились и иные материалы посольства. Однако в коллекции 226 (коллекция Библиотеки академии наук) Научного архива Санкт-Петербургского института истории хранится расклеенный столбец из 344 сставов, включающий в себя написанные на русском языке материалы этих переговоров. Основу столбца составляют отписки участников московского посольства на имя царя Федора Ивановича, поступавшие в Посольский приказ, несколько отписок на имя Б. Ф. Годунова, одна, вероятно, на имя дьяка Андрея Шелкалова; в него также вклеивались отписки с заставо переписке документов на станах. В обстановке опасности „морового поветрия“ отписки послов в Москву несколько раз копировались: сперва подлинники доставлялись из Тязвина по Ивангородской дороге на заставу в Тесово (стоявшее в Тесове московское войско весь рассматриваемый период возглавляли кн. Василий Васильевич Булгаков (Голицын) и окольный кн. Иван Васильевич Великого-Гагин). На специальной засеке дворянин Иван Старого-Милкоков копировал все привозимые из зараженных мест грамоты, отписки, допросные речи, эти копии пересылались в Новгород. Там, в приказной избе, при воеводе боярине кн. Василии Ивановиче Шуйском (будущем царе) они копировались еще раз, а списки, сделанные в Новгороде, отправлялись в Москву. Оседавший в Новгороде пласт документов (списки посольских отписок, сделанные в Тесове, подлинники отписки из Тесова от воевод кн. Василия Васильевича Голицына и кн. Ивана Васильевича Великого-Гагина, отпуски отписок из Новгорода в Москву), однако, не уничтожались, но сохранился в составе столбца⁶.

⁴ Возможно, впрочем, что в грамоте, полученной московскими послами 19 декабря 1592 г. было дано позволение заключить перемирие без передачи Корелы московской стороне; однако не вскрытая послами, грамота (и ее отпуск в Посольском приказе) оказались впоследствии, видимо, утраченными.

⁵ H. Almqvist, *Sverige och Ryssland. 1595–1611: tvisten om Estland, förbundet mot Polen, de ryska gränsländans eröfring och den stora dynastiska planen*, Uppsala 1907, s. 5–7.

⁶ 1592 октября около 24 – Отписка послов ок. М. Г. Салтыкова, Д. И. Черемисинова и дьяка П. Дмитриева царю Федору Ивановичу..., s. 29–41.

На бумажной обложке расклеенного столбца, сделанной в XIX в., сохранились пометки: „Тязвинское“ (зачеркнута), „Посольские дела Михайла Салтыкова о перемирии с шведами 1592-1593 года. Черновой подлинник, принадлежащий Академии наук. Ср. Карамз. X, стр. 167“. На наклейке на обложке третьим почерком написано: „Г. Бередникову“. 226 коллекция (коллекция Библиотеки Академии наук) Научного архива СПбИИ РАН составлена из документов, в 1931 г. переданными из БАН в Историко-археографический институт АН СССР. По всей вероятности, наряду с другими документами делопроизводства Посольского приказа, эти документы в 1830-е годы оказались переданы Якову Ивановичу Бередникову, как члену императорской Археографической экспедиции или, позднее, Археографической комиссии. В настоящее время в составе столбца мной выделено 107 документов (списков и отпусков с грамот).

Сохранились и некоторые документы о переговорах, созданные в шведском посольском лагере. Специальное исследование этим переговорам посвятил библиотекарь Дерптского (Юрьевского) университета Вениамин Кордт (Benjamin Cordt). В коллекции библиотеки в одном из сборников XVI-XVII вв. (конволюте) он выявил 19 документов: списки посольских отчетов и копии грамот шведских послов, адресованных московской стороне. Дав краткий и оригинальный исторический очерк политической ситуации 1592-1593 гг., В. Кордт опубликовал отдельным изданием эти памятники. Мне удалось установить 6 случаев, когда документы в публикации В. Кордта имеют аналогии (переводы) в документах столбца из коллекции 226 НА СПбИИ.

В ходе дипломатических дискуссий в Тязвине неоднократно использовались аргументы из области внешней политики. Важное место среди этих аргументов занимала Речь Посполитая – „Корона Польская и Великое княжество Литовское“, престол которой занимал Сигизмунд Васа, сын Юхана III.

Впервые о „польско-литовском факторе“ послы вспомнили в момент съезда в Тязвине 24 октября 1593 г. В этот день обе посольские комиссии „мерялись силой“, превознося экономические ресурсы своих государств и силу союзников. Московские послы пытались обличать шведскую сторону в попытке подкупа крымских татар (через гонца „Антон Черкашенина“, будто бы дважды посетившего шведскую Ливонию), однако же, по речи московских послов, поход крымского хана Казы-Гирея на Москву потерпел сокрушительное фиаско:

„И вперед, государь, вашему Ягану королю надежи на крымско держати нечево“.

Однако, по мысли московских послов, надеяться Юхану III не стоило не только на Крымское ханство, но и на своего сына, короля Сигизмунда:

„и на сына своего, на литовского Жигимонта короля, надежи нечево держать. Жигимонт король и сам на королевстве непрочен, и паны-рада и вся земля его не любят, а хоти и был прочен, и он с тобою,

государем, в перемирье на пятнатцать лет, а в перемирных написано имянно: хто будет тебе, великому государю, недруг, тот и Жигимонту королю, и Коруне Польской и великому княжеству Литовскому недруг, и людьми и казною тому недругу не вспомагати”

(речь шла о перемирии, заключенном в Москве с Речью Посполитой в 1591 г.). Примечательны слова о непрочности короля Сигизмунда III на престоле Речи Посполитой; по всей видимости, их источником был наказ послам, который, как я отмечал, не сохранился; в нем должны были содержаться указания дьяков Посольского приказа, что именно можно (и должно) говорить шведской стороне. В ответной риторике шведских послов содержалась отсылка как к простой логике („а сыну отцу как не помогать”), но и, вероятно, к Кальмарским уставам 1587 г.:

„на том деи Жигимонт король польской государю вашему присегал, что ему отцу своему помочь чинить”⁷.

Однако и тут московские послы указали на известные им особенности организации власти в Речи Посполитой:

„хоти Жигимонт король и похочет отцу своему помочь чинить мимо перемирных грамот, и паны-рада Коруну Польские и великого княжества Литовского и земля вся в том Жигимонту королю воли не дадут и против тебя, государя, стояти не похотят”⁸,

а также на уже упоминавшееся заключенное с Московским государством перемирие:

„учинено перемирье меж твоих, великого государя, великих государств и меж Коруну Польские и великого княжества Литовского земля з землею”⁹.

Отправив подробный отчет (отписку) в Посольский приказ (формально – царю Федору Ивановичу), почти текстуально совпадающую копию этого отчета послы подготовили для слуги и конюшего боярина Бориса Федоровича Годунова¹⁰.

На следующий день переговоров, 25 октября, московские послы сами, не будучи спровоцированными, высказали шведской стороне тщетность надежд на помощь со стороны Речи Посполитой, а также других возможных союзников, ибо, по утверждению послов, король Юхан III – единственный враг московского престола:

⁷ M. Roberts, *The Early Vasas. A History of Sweden, 1523–1611*, Cambridge 1968, s. 270.

⁸ 1592 октября около 24 – Отписка послов ок. М. Г. Салтыкова, Д. И. Черемисинова и дьяка П. Дмитриева царю Федору Ивановичу..., s. 29–41.

⁹ Там же.

¹⁰ 1592 после октября 30 – Отписка послов ок. М. Г. Салтыкова, Д. И. Черемисинова и дьяка П. Дмитриева боярину Б. Ф. Годунову с оправданием своей позиции на посольских съездах с шведскими послами с описанием, того, что были использованы наказания «по последней мере», СПбИИ, кол. 226, оп. 2, д. 296, s. 152–155.

„Да и на литовского Жигимонта короля нечево ж надеятца, про то им наперед сего сказали. И от ьных пограничных государей некоторые им надежи не будет, а у тебе, у великого государя, рати многие сейчас готовы, а опричь государя их, Ягана короля, тебе, великому государю, недруга нет некоторого“¹¹.

25 ноября 1592 г., через месяц после инцидента шведская сторона припомнила московским послам неуважительные слова о короле Сигизмунде III (парадокс заключался в том, что к моменту составления грамоты шведских послов, король Юхан III уже скончался, но весть об этом достигла Нарвы только в новый 1593 год)¹². Грамоту с этим упреком и с отповедью московской стороне в защиту Сигизмунда III шведские послы вручили москвичам на следующий день. Грамота была переведена и отослана, вместе с переводом в Москву¹³.

Важным политическим обстоятельством, возникшим во время переговоров была смерть короля Юхана III, вызвавшая замешательство в шведском посольском стане. Известие о ней просочилось в московский лагерь 2 января 1593 г.

„генваря в 2 ден писал к нам, холопом твоим, из Ываня города околничей твой государев и воеводы князь Федор Хворостинин с товарищи и прислали выходца полоняника Ястребинского погоста крестьянина Иванка Семенова. А в роспросе сказал нам, что де слышал он ныне генваря в 2 день на королевской поварне в Ругодиве у кашевара, что свейского короля не стало“¹⁴.

В тот же день московские послы объявили шведским эмиссарам, ссылаясь на заключенный договор с королем Сигизмундом III, будто бы по просьбе последнего,

„для прошенья Жигимонта короля и для Коруны Польские и великого княжества Литовского и для челобитья бояр своих“¹⁵,

Москва одобряет заключение со Швецией перемирия до тех пор, пока король Юхан III (о смерти которого уже было известно обеим сторонам), не назначит новый состав посольства для заключения полноценного мирного договора.

¹¹ 1592 октября около 25 – Отписка послов ок. М. Г. Салтыкова, Д. И. Черемисинова и дьяка П. Дмитриева царю Федору Ивановичу о пятом съезде со шведскими послами К. Флемингом с товарищами 25 октября, СПбИИ, кол. 226, оп. 2, д. 296, с. 23–28.

¹² Новость о смерти Юхана III достигла их только в новый 1593 й год, [w:] В. Cordt, *Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina, 1593. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Schwedens zu Russland im 16. Jahrhundert*, Dorpat 1892, s. 118.

¹³ Немецкий текст грамоты был опубликован В. Кордтом (В. Cordt. *Die Verhandlungen...* nr 6, s. 116–118), русский перевод грамоты: 1592 ноября 25 – Грамота шведских послов Й. Боïе, А. Столарма и Г. Доновы русским послам ок. М. Г. Салтыкову, Д. И. Черемисинову и дьяку П. Дмитриеву с высказыванием намерения достичь перемирия и с упреком в проведенной русскими военной демонстрации Перевод, СПбИИ, кол. 226, оп. 2, д. 296, с. 190–193.

¹⁴ Отписка послов ок. М. Г. Салтыкова, Д. И. Черемисинова и дьяка П. Дмитриева царю Федору Ивановичу с известием о смерти короля Юхана III и с сообщением о съезде со шведскими послами 3 января, СПбИИ, кол. 226, оп. 2, д. 296, с. 301–305.

¹⁵ Tamže.

Московская сторона обязывалась в таком случае до осени 1593 г. (до Дмитрева дня) не требовать передачи Корелы. Это предложение вызвало заминку в шведском посольстве; после чего они решили объявить М. Г. Салтыкову с товарищами о смерти короля Юхана III:

„А ныне де вам объявляем, не хотя от вас утаить, что мы гонца к королю посылали, и тот гонец вечер к нам приехал и сказывал, что Божьим судом нашего велеможнейшего Ягана короля не стало ноября в 17 день, и с тем деи гонцом писали к нам велеможнейшей королевич Арцы Карлус и все думные бояре Свейского королевства”¹⁶.

Шведы добавили, что риксрод требует от послов прекратить переговоры о передаче Корелы Московскому царству,

„для того, что наш велеможнейший король, отходя сего света, Корелу и Ливонскую землю и всю Свейскую и Финскую землю отказывал сыну своему, нашему велеможнейшему Жигимонту, королю польскому и великому князю литовскому и в духовной написал: сыну своему”¹⁷;

таким образом, передача Корелы будет нарушением воли покойного короля.

В этом месте шведские послы вновь обратились уже к образу нареченного на Шведское королевство Сигизмунда III.

„А ныне Жигимонт король з государем вашим в миру, да и вперед в недружбе быти не хочет”¹⁸.

Однако дальнейшие переговоры с московским посольством не принесли успеха и посольский съезд в этот день завершился. Однако и в речи, сказанной при разъезде шведские послы апеллировали уже вновь к королю Сигизмунду:

„нашему велеможнейшему дедичному королю Жигимонту за свою землю стоять; только ныне не учнете перемирья, и что учинитца от Жигимонта короля, и вам то ведомо будет”¹⁹,

на что М. Г. Салтыков с товарищами парировали:

„Жигимонт король тебе, великому государю, не страшен, а ныне с тобою, з государем, в перемирье. А хотя что и похочет делати, и пань-рада Коруны Польские и великого княжества Литовского и вся земля в том воли ему не дадут”²⁰.

¹⁶ Tamže.

¹⁷ Tamže

¹⁸ Tamže

¹⁹ Tamže

²⁰ Немецкий текст: В. Cordt, *Die Verhandlungen...*, nr 14, s. 135–139; русский перевод: 1593 января 3 – Отписка послов ок. М. Г. Салтыкова, Д. И. Черемисинова и дьяка П. Дмитриева царю Федору Ивановичу с известием о смерти короля Юхана III и с сообщением о съезде со шведскими послами 3 января, СРБИИ, кол. 226, оп. 2, д. 296, s. 301–305.

Это обстоятельство серьезно изменило „дипломатический театр“ и ускорило подписание соглашения о перемирии.

6 января 1593 г. шведские послы, по всей вероятности, не успев получить новых новостей из Стокгольма и Варшавы, однако отправили очередную грамоту в Тязвино М. Г. Салтыкову. В этой грамоте видна лояльность послов нареченному шведскому королю Сигизмунду, однако же оговаривается и необходимость его „совета“ с Риксродом:

„коли королевское величество польское меж Свейского королевства з большими о том всем подумают, и для того мы у вас на три годы перемирья и просили, и говорили есмя вам, что тот пресветлейший и высокороженный князь и государь Арцы Карлус и всего королевства Свейского наказатели большие люди те меж нас все дела хотят здержать, и с вами велеможнейший король польской Жигимонт, наш милостивый государь, как есть государь и дедич и король королевства Свейского и всех приналежах со земель, наши дела и перемирья укрепит“²¹.

Шведы выговаривали московским послам, что те сперва сослались на просьбу Сигизмунда к московским властям заключить быстрее договор с Швецией и, на этом основании, были готовы заключить перемирие, теперь же, когда „его королевское величество польское нашим королем и государем учинился“, московские послы отказываются от своего намерения заключить перемирие без всяких условий и вновь требуют предварительно передать Корелу и угрожают войной. Шведские послы указывали, что

„не надобе нам за славою Божьей никоторого короля иного, потому что мы имеем королевству Свейскому нашего государя короля“²².

Имя короля возникло уже на официальном уровне в ходе последних дней переговоров²³. На съезде 20 января 1593 г. М. Г. Салтыков упоминал о том, что Сигизмунд, который вскоре достигнет Швеции, должен будет, как и прежде, под Псковом, король Стефан, заключить мир с Московским царством. На это шведы отвечали, что королю предстоит еще долгий путь в Швецию на коронацию, необходимо встретиться с герцогом Карлом и другими важными персонами²⁴.

²¹ 1593 января 6 – Грамота шведских послов Й. Боие, А. Столарма и Г. Донхофа русским послам ок. М. Г. Салтыкову, Д. И. Черемисину и дьяку П. Дмитриеву с выговором о нарушении уже подписанного перемирия. Перевод. СПбИИ, кол. 226, оп. 2, д. 296, с. 343–344, 313–314.

²² Немецкий текст: В. Cordt, *Die Verhandlungen...*, nr 15, s. 139–141; русский перевод: 1593 января 6 – Грамота шведских послов Й. Боие, А. Столарма и Г. Донова русским послам ок. М. Г. Салтыкову, Д. И. Черемисину и дьяку П. Дмитриеву с выговором о нарушении уже подписанного перемирия, СПбИИ, кол. 226, оп. 2, д. 296, с. 343–344, 313–314.

²³ Собственно информация о двух финальных днях переговоров (20–21 января) известна только из публикации В. Cordt, *Die Verhandlungen...*, nr 17, s. 145–149.

²⁴ Согласно Кордту, московские послы здесь упоминали миссию Богдана Хрептовича, референдария литовского, в Москву (согласно Бантышу-Каменскому, отправленная 22 января из Польши с уведомлением о том, что король вступает во владение Швецией и Финляндией. Про-

Таким образом, образ короля Сигизмунда и Речи Посполитой в ходе переговоров присутствует в риторике обеих сторон, и шведской и московской. Московские послы М. Г. Салтыков, Д. И. Черемисинов, дьяк П. Дмитриев делали акцент прежде всего на установившиеся отношения с Речью Посполитой и отсутствии угрозы с ее стороны для Московского государства. На авторитет короля Сигизмунда они ссылались и накануне подписания временного соглашения о перемирии. Шведская сторона также упоминала Сигизмунду как находящегося в тесном союзе с Швецией, связанного клятвой со своим отцом Юханом III; война между которыми была невозможной, а возможен был, напротив, союз, направленный против Москвы. Политические представления московских послов о Речи Посполитой (да и о Швеции) не были наивными; политические процессы в обоих государствах виделись москвичам не просто зависимыми от воли монарха, но основанные также и на мнении в Речи Посполитой – панов-рады, в Швеции – «наказателях королевства». Получение известия о смерти короля Юхана III 1–2 января 1593 г. совпало в посольских станах с получением московскими послами наказа из Москвы, согласно которому требовалось добиваться безусловного временного перемирия, основываясь, будто бы, на „просьбе Жигимонта-короля“. Однако этот король становится уже нареченным королем Швеции, что чуть было не изменило ход переговоров. Можно утверждать, что в дипломатической риторике обеих сторон в 1592–1593 гг. не везде расчленяется „государь“ и „государство“; обе стороны в качестве аргументов в споре предполагают как королевскую волю, так и интересы королевства.

BIBLIOGRAFIA - REFERENCES

Źródła rękopiśmienne:

Nauchnyy arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii:

kol. 226, op. 2, d. 296.

Źródła drukowane:

Cordt B., *Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina, 1593. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Schwedens zu Russland im 16. Jahrhundert*, Dorpat 1892.

Perepiska mezhdru Rossieyu i Pol'sheyu po 1700 god, sostavlen'naya, po diplomaticheskim bumagam upravlyayushchim Moskovskim arkhivom Kollegii inostrannykh del, N. N. Bantysheva-Kamenskaya, ch. 1: 1487–1584, Moskva 1862.

Opracowania:

Almqvist A., *Sverige och Ryssland. 1595–1611: tvisten om Estland, förbundet mot Polen, de ryska gränslandens eröfring och den stora dynastiska planen*, Uppsala 1907.

Florya B. N., *Pol'sko-litovskaya interventsiya v Rossii i russkoe obshchestvo*, Moskva 2005.

сил заключить перемирие и со Швецией на 12 лет (16 февраля он был у государя). Вместе с Б. Хрептовичем от имени Льва Сапеги к Борису Годунову был послан Адам Лукашевич, также просивший перемирия со Швецией. Б. Годунов в ответ просил Л. Сапегу добиться от короля посольского съезда на границах для установления мира с Швецией В. Cordt, *Die Verhandlungen...*, s. 142; *Переписка между Россиею и Польшею в государство царя Михаила Феодоровича, [w:] Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, составленная, по дипломатическим бумагам управляющим Московским архивом Коллегии иностранных дел, Н. Н. Бантышевым-Каменским, ч. 1: 1487–1584, Москва 1862, s. 33–34.*

Hennings J., *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*, Cambridge 2016.

Roberts M., *The Early Vasas: A History of Sweden, 1523–1611*, Cambridge 1968.

